

Якушева Г.В.

**РАСТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ:
МОЛОДОЙ ГЕРОЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ПОИСКАХ ОПОРЫ¹**

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина;
Высшее театральное училище им. М.С. Щепкина
Москва, Россия, yakusheva.g@inbox.ru*

Аннотация: Двадцатый век начал с явления миру «потерянного поколения», рожденного Первой мировой войной (Э.М. Ремарк, Э. Хемингуэй и др.), Вторая мировая война создала в разных странах мощное героическое поколение сопротивления фашизму (К.М. Симонов, В.П. Астафьев, Г.Я. Бакланов, Ж.-П. Сартр, А. Камю и др.). В середине века, потрясенное губительной силой атома, в США формируется «разбитое поколение» (Дж. Керуак и др.), безуспешно пытающееся бежать от цивилизации в мир секса, наркотиков и дзен-буддизма. Последние десятилетия минувшего и первые десятилетия нынешнего века проходят под знаком «растерянного поколения» – молодых людей, полных жизненной силы, но не видящих цели для ее приложения и опоры для ее воплощения. Отсюда – погружение в детективы, триллеры, сложный мир фэнтези, старательная реанимация религиозного мировосприятия, эпатажное бравирование гедонизмом, фанатичное стремление силой встряхнуть и переделать мир, и еще многое другое, свидетельствующее о мировом кризисе истинной «веры, надежды и любви» (Дж.Р. Толкиен, Кен Кизи, С. Кинг, Э. Бёрджес, О. Памук, В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин, Т. Толстая, Виктор Ерофеев, З. Прилепин, Э. Лимонов и др.).

Ключевые слова: эпоха постмодернизма; растерянное поколение; мировая литература; молодой герой; кризис гуманистической цивилизации; поиск опоры.

Поступила: 01.05.2019

Принята к печати: 20.05.2019

---

¹ © Г.В. Якушева, 2019.

Jakusheva G.V.

**Embarrassed generation: the young man
of the contemporary literature in the search of support**

*Pushkin State Russian Language Institute,
Mikhail Shchepkin Higher Theatre School
Moscow, Russia, yakusheva.g@inbox.ru*

Abstract. The beginning of the 20th century gave the world the so-called «lost generation» as a result of World War I (E.M. Remark, E. Hemingway, etc.). World War II gave birth to the heroic generation that resisted fascism (K.M. Simonov, V.P. Astafiev, G. Ya. Baclanov, J.-P. Sartre, A. Camus, etc.). The mid-20th century USA saw the formation of the «beat generation» (J. Kerouac, etc.), that was shocked by the promulgation of the destructive force of the A-bomb (atomic energy) and unsuccessfully attempted to escape from the civilization into sex, drugs and Zen Buddhism. The last decades of the 20th century and the first decade of the present century bred the «embarrassed generation» – young people full of vitality but with no comprehension of how to apply it. Hence the immersion in detective stories, thrillers, and the complex world of fantasy, the diligent reanimation of religious world outlook, shocking displays of hedonism, a fanatical aspiration to shake the foundations of the world and change it and many other manifestations that testify to the global crisis of the true «faith, hope and love» (J.R. Tolkien, Ken Kesey, S. King, A. Burgess, O. Pahmuk, W. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin, T. Tolstaya, Vic. Yerofeev, Zahar Prilepin, Ed. Limonov etc.).

Keywords: the age of postmodernism; embarrassed generation; the world literature; the young man; the crisis of the humanistic civilization; the search of support.

Received: 01.05.2019

Accepted: 20.05.2019

Двадцатый век явил миру «потерянное поколение» (lost generation), рожденное Первой мировой войной, чей голос, точнее, стон – обиды, боли и возмущения, – донесли до нас произведения Э. Хемингуэя, Э.М. Ремарка, Ф.С. Фицджеральда, Р. Олдингтона, Дж. Дос Пассоса и др. Стон тех, кого на заре жизни выбросил на обочину жизни, духовно потряс шок от великого обмана в очередной (и, увы, не в последний) раз совершающегося в истории, когда по надуманным причинам, в силу некомпетентности, или корысти, или тщеславия правителей в кровавую и, по сути, бессмысленную бойню вовлекаются народы и государства.

Вторая мировая война создала в разных странах мира поколение, которое смело можно назвать героическим – поколение, чье мощное сопротивление фашизму и нацизму отозвалось в десятках разножанровых произведений мировой художественной словесности (Б. Ясенский, К.М. Симонов, В.П. Астафьев, В. Быков, А.Т. Твар-

довский, Ю.В. Бондарев, Г.Я. Бакланов, Л. Арагон, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Дж. Олдридж, Ю. Фучик, П. Неруда и мн. др.).

Немного отдаленным во времени, но не менее сильным отзвуком этой войны явилась атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, вызвавшая страх перед губительным натиском неумолимого прогресса и безуспешную попытку сформировавшегося в США «разбитого поколения» («битников», beat generation) бежать от цивилизации в свободный от каких-либо социальных обязательств и связей мир бродяжничества, секса, наркотиков и дзен-буддизма. Джек Керуак — «король битников», давший название этому сообществу своих единомышленников — поэтов Аллена Гинзберга и Лоренса Ферлингетти (автора, среди прочего, цикла стихов «Пустынная Москва. Сеговия среди снегов», 1967), прославился романами «На дороге», «Биг Сур», «Бродяги, взыскующие Дхармы». Но особенно примечательным, хоть и менее известным, представляется его программный роман «Доктор Закс “Фауст”, часть третья». Здесь главный герой, ученый-физик, бросает свою лабораторию и, обвиняя за плечи возлюбленную Маргариту, уходит из тесного кабинета в большую жизнь, где сияет солнце, порхают бабочки и трепещут листья деревьев. В определенном смысле все происходит по гетевскому сценарию, где ученый Фауст, изучивший за долгие годы множество наук, приходит к выводу, что он «при этом всем / Был и остался дураком» (здесь и далее пер. Б.Л. Пастернака), что «пергаменты не утоляют жажды, / Ключ мудрости не на страницах книг», — и, омолодившись с помощью Мефистофеля, бросается в поток живого бытия, готовый принять на себя все радости и печали обыкновенного человеческого существования. Однако доктор Закс Керуака не ищет никакого смысла в жизни, кроме самой жизни, и в духе нового гедонизма разочаровывается в науках не потому, что чистые знания не дают ему радости осмысления бытия, а потому, что его знания опасны для бытия.

Мысль, вполне соответствующая знаковой тенденции в умонастроениях мировой цивилизации второй половины века, одним из выразителей которой стал французский ученый-археолог, философ и католический богослов Пьер Тейяр де Шарден, обратившийся к Фаустам наших дней — физикам, разрабатывающим проблемы атома, — с призывом прекратить свои исследования, преодолеть своеобразный гедонизм ученого, наслаждающегося самим процессом познания, ибо мы не можем предсказать последствий приме-

нения результатов таких исследований, целей и характера их использования. В аналогичном плане была выстроена популярная до сих пор пьеса – «комедия» известного австрийского драматурга Фридриха Дюрренматта «Физики». И естественно-научная общественность не осталась равнодушной к призывам гуманитариев: в 1950–1960-е годы западные газеты запестрели публичными отказами физиков – руководителей лабораторий, их помощников и исполнителей, – от своих рискованных исканий. Так доктор Закс стал образом, столь же созвучным своему времени, как некогда гетевский герой – дерзаниям эпохи Просвещения.

Нынешний период, последние десятилетия XX – начало XXI в., время постмодернизма, этого своеобразного необарокко – сверкающего знаниями, немислимыми, почти фантастическими достижениями науки и техники, прорывами в космос и оживлением омертвевшего – жемчужины неправильной формы (от канонической трактовки термина в переводе с португальского языка). Ослепительной жемчужины – но все-таки очень неправильной формы, ибо при высочайшем мастерстве в овладении «технологией» бытия – обострение взаимного непонимания, вражды и агрессии народов и государств, религий и конфессий, традиций и культур.

Отсюда представление об иррациональности, алогичности, непредсказуемости мироздания – того, что формировалось также в середине прошлого столетия в философии экзистенциализма. Отличающейся, однако, от барочного мировидения XVII в. отсутствием причудливо-креативного, не только пугающего, но и «забавляющего», жизнерадостного начала, а, во-вторых, прокламирующего ответственность за свои поступки, той концепцией необходимого «нравственного выбора» в «пограничной» ситуации, которая позволяет человеку даже в мире абсурда самому выстраивать линию своего бытия под знаком «возрастания» или «умаления» собственной «экзистенции» (существования) – стремясь, естественно, к первому в русле уже известного со времен классицизма доминирования долга над чувством, порядка над беспорядком и смысла над бессмыслицей.

Однако наше время уже не несет в себе утешительных посылов ни барочного оптимизма, ни экзистенциалистского самоограничения. Словно откликаясь на новое определение собственной биологической породы как «*homo ludens*» (Й. Хёйзинга), «человека играющего», наш современник действительно играет со всеми

смыслами, традициями и перспективами – тасуя, подбрасывая, то пряча, то заново извлекая их. Он пробует себя и в ипостаси «homo faber» «человека дела», перекликающегося с прагматизмом просветительского гетевского Фауста (роман М. Фриша «Хомо Фабер»). Он определяет себя романтическими струнами своего главного «маркера» – чувствительности («homo sentimental» романа-эссе М. Кундеры «Бессмертие»). Он слишком много знает, чтобы сразу решить, какую профессию, страну или веру ему выбрать, – и слишком разочарован, чтобы положиться на правильность своего выбора. Слишком часто на протяжении его жизни менялись векторы, оценки и герои, и потому ирония и скепсис становятся его главным щитом, а эпатаж – главным оружием.

Он – из того поколения, которое мы назовем «растерянным»: слишком много соблазнов и слишком мало четких ориентиров. Слово «слишком» можно провозгласить ключевым для атмосферы бытования современного молодого человека: слишком много людей в мегаполисах, слишком много объектов потребления (товаров и услуг), слишком много свободы.

«Свобода» и «несвобода» – слишком сложные концепты, чтобы однозначно оценить их. Не только законы тоталитарных государств, но и религиозные учения и нравственные постулаты есть система определенных запретов, табу, указаний и ограничений. Свобода же может быть одним из самых страшных искушений, испытанием, которое выдержит только сильный и закованный в надежную броню «сдержек» человек, чтобы выстоять в бою с жизнью, нужно иметь твердую точку опоры.

Современная литература – это страстная (не по жанру) летопись метаний растерянного поколения и у нас, и за рубежом в поисках этой точки опоры: не только для того, чтобы далеко пойти, а чтобы просто не упасть.

В генеалогии растерянного поколения мы находим «лишних людей» девятнадцатого столетия (а среди них – и Рене из одноименной повести Ф.Р. Шатобриана, и Октав из «Исповеди сына века» А. Мюссе, и, конечно, байроновский Чайльд Гарольд. И знакомый нашим соотечественникам со школьной скамьи пушкинский Онегин, и лермонтовский Печорин). Совсем близко к сегодняшнему «растерянному поколению» – как его предвестник, – стоит Холден Колфилд Дж.Д. Сэлинджера, герой его культового романа середины прошлого века «Над пропастью во ржи» (1951),

мечтательный и ранимый подросток с тонкой душевной организацией, противостоящей прагматизму, конформизму и потребительству «взрослого» мира. А десятилетие спустя одновременно, в 1962 г. – период наших «шестидесятников» и острейшего культурного кризиса в странах Запада, – появляются романы-бестселлеры: «Заводной апельсин» англичанина Энтони Бёрджеса (одноименный фильм С. Кубрика) с его менее известным продолжением «Завещание заводному миру» (1974), где тотальный молодежный протест 1960-х годов показан в его крайних экстремистских проявлениях, самым невинным из которых (насилие, унижение человеческого достоинства) является обценная («токсичная») лексика, провокативно замешанная на «закваске» англоязычных и русских нецензурных слов. О том, насколько точно и чутко уловил писатель нарастание опасных, разрушительных с точки зрения элементарной человечности тенденций в молодежной среде «благополучного» Запада (многие критики называют «Заводной апельсин» антиутопией), говорит следующее свидетельство: после бурного успеха на фестивале в Каннах фильма С. Кубрика «Заводной апельсин» сам «автор романа, Э. Бёрджес, удовлетворенно признал, что фильм оказал на юношество взрывное воздействие. Молодежь, одетая по моде, принятой у героев этого фильма, заговорила на странном арго, языке надцатых: смеси англоамериканского и русского» [Тюрин, 1993, с. 377].

Мы же своей стороны не можем не отметить «екклезиастическую» концовку романа, утверждающую не историческую локализованность, но извечность, бесконечную повторяемость молодежного протеста как выражение решительного несогласия с этим миром как таковым, новую форму «богоборчества», столь хорошо нам известную по творчеству Байрона (мистерия «Каин» и др.), этого самого последовательного и резкого выразителя романтического сознания как постоянного, неразрешимого конфликта человека и мира, «Я» и «Не-Я» (И.Г. Фихте, Ф. Шеллинг: философия тождества, основанная на праве личности судить об окружающей действительности и выражать, тем или иным способом, свое мнение). Вот эта концовка:

«<...> в юности ты всего лишь <...> какая-нибудь игрушка <...> вроде как жестяной человек с пружиной внутри, которого ключиком снаружи заведешь – др-др-др, и он пошел <...> ходит он только по прямой и на всякие *vestshi* натывается – бац, бац, к тому

же если уж он пошел, то остановиться ни за что не может. В юности каждый из нас похож на такую malennkuju заводную shtutshku.

<...> У меня будет сын, и я объясню ему все это, когда он подрастет и сможет понять меня. Однако только лишь подумав это, я уже знал: никогда он не поймет, да и не захочет он ничего понимать, а делать будет все те же vestshi, которые и я делал, – да, он, может быть, даже убьет какую-нибудь старую ptitsu, окруженную мяукающими kotami и koshkami, и я не смогу остановить его. А он не сможет остановить своего сына. И так по кругу до самого конца света – по кругу, по кругу, по кругу, будто какой-то огромный великан, какой-нибудь Бог или Gospodd (спасибо бару «Korova») все крутит и крутит в огромных своих ручищах voniutshi griaznyi апельсин <...> Все-таки сволочной этот мир, griazni, podli и voniutshi, блин» [Бёрджесс, 1993, с. 131–132].

Это последнее заключение подтверждает и второй бестселлер начала 1960-х годов – роман «Над кукушкиным гнездом» («Полет над гнездом кукушки», одноименный фильм М. Формана, 1975) американского писателя Кена Кизи, который критика нередко рассматривает в качестве парадоксального притчеобразного «трагифарса» о бунте против унижения человеческой личности в психиатрической лечебнице (которая может символизировать безумие внешнего мира), как метафору насильственной стандартизации индивидуумов для удобства управления ими, как наказание инакомыслящих «усыплением мозгов» наркотиками и лоботомией (перекликаясь с нашим отечественным опытом репрессивной психиатрии), – и который основан на реальных фактах подавления душевного расстройства пациентов в клинике, где некоторое время работал санитаром и сторожем Кизи.

По сути, оба романа – и Бёрджесса, и Кизи, – суть констатация безнадежности. В первом случае – вечное хождение по кругу «детей», восстающих против «отцов», (во втором – бегство из одного безумного мира (лечебницы) в другой, не менее безумный, и к тому же всегда готовый вновь отправить «неформат» в резервацию.

Растерянное поколение и зарубежной, и русской литературы усиленно ищет выход из этого когнитивного (и онтологического) диссонанса. Одни бросаются в религию («Лавр» Евгения Водолазкина; «малая проза» нового явления отечественной словесности – «приходской литературы» священника Ярослава Шипова), надеясь

найти опору в Боге если не для этого, то для иного мира. Другие – в ностальгической идеализации ушедшего прошлого (многочисленные сентиментальные повествования о жизни семьи Романовых, в том числе иллюстрированная литературно-художественная биографическая хроника Альбины Даниловой «Пять принцесс. Дочери императора Павла I»; проза нобелевских лауреатов: турка Орхана Памука, китайца Мо Яня). Третьи – в наркотическом жанре фэнтези (Дж.Р. Толкиен, К.С. Льюис, Дж. Роулинг). Четвертые – в детективных жанрах, но все чаще – с позиции уголовного (многотиражные серии отечественных «карманных книг»: «Воровский закон», «Я – вор в законе», «Убойный отдел» и т.п.). На смену «магическому реализму» XX в. приходит, как вариант фэнтези, своеобразная «магическая фантастика», где попытка уйти от своей духовной неприкаянности и растерянности опирается на литературный наркотик чудес и ужасов небывалых и потрясающих воображение сюжетов с магами, колдунами, трансвеститами, одержимыми инопланетянами и т.п. («графические» романы Алана Мура и др. многочисленные произведения в жанрах триллера и хоррора, в т.ч. восьмитомный цикл Стивена Кинга «Темная башня»).

Экзистенциальный ужас человеческого бытия, за отражение которого С. Кинга в 2018 г. даже хотели выдвинуть на Нобелевскую премию, молодой герой современной литературы пытается заглушить изощренным эротизмом («Это я, Эдичка» Э. Лимонова), или откровенной порнографией («Голубое сало» В. Сорокина), или мифологизацией секса («Русская красавица» Вик. Ерофеева). Апологетизация традиционного образа простой русской женщины, бесконечно доброй, заботливой и верной (Маруся в романе Марины Степновой «Женщины Лазаря») соседствует с трогательно-наивным образом беспутной Моньки-Раймонды из повести Марины Палей «Кабирия с Обводного канала», со странными и несчастными героинями Людмилы Петрушевской и Татьяны Толстой: все это очень талантливо, жизнеподобно и бесконечно печально. Один от нужды занимается киллером, хотя по природе не жесток и не зол (рассказ «Нешумные» Владимира Маканина). Другой от возмущения царящей социальной несправедливостью вступает в подпольный кружок убежденных («Санька» Захара Прилепина). Третьи, населяющие разноликое фантазмагорическое пространство прозы Виктора Пелевина, живут неопределенно-двойной, показной жизнью с постоянно трансформирующимся, неустойчивым

сознанием, расшатанной самоидентификацией и исчезающим самоуважением (забуддыга-пролетарий из рассказа «День бульдозериста», оказавшийся американским шпионом; валютные проститутки, совсем недавно бывшие партийными функционерами мужского пола – рассказ «Миттельшпиль»; люди-мертвецы в рассказах «Вести из Непала» и «Синий фонарь»; люди-насекомые в рассказе «СССР Тайшоу Чжуань» и повести «Жизнь насекомых» – и, наконец, поколение десакрализованных мифов и развенчанных героев – «Омон Ра», «Чапаев и Пустота», «рекламное» поколение общества потребления «Generation “П”»).

«С середины 70-х годов началась эра невиданных доселе сомнений не только в новом человеке, но и в человеке вообще», – писал Виктор Ерофеев в книге-антологии «Русские цветы зла» [Русская проза, 2005, с. 92]. Если не считать безобидных и вполне оптимистичных детективов Д. Донцовой, Т. Устиновой, Б. Акунина и подобных им авторов – совсем не бездарных, но не слишком стремящихся сконцентрировать свое внимание на серьезных и болезненных проблемах эпохи, – то возникает вопрос: где современному растерянному поколению искать привлекательный и убедительный пример для подражания, для надежного жизненного ориентира? Неужели таковым останется только Эраст Фандорин?

Список литературы

- Бёрджесс Э.* Заводной апельсин: Роман / Пер. В. Бошняка // Бёрджесс Э. Заводной апельсин; Кизи К. Над кукушкиным гнездом: Романы. – М.: Патриот, 1993. – С. 5–132.
- Кизи К.* Над кукушкиным гнездом: Роман / Пер. В. Голышева // Бёрджесс Э. Заводной апельсин; Кизи К. Над кукушкиным гнездом: Романы. – М.: Патриот, 1993. – С. 133–375.
- Русская проза конца XX века: Хрестоматия для студ. высш. уч. заведений / Сост. и вступ. ст. Тиминой С.И. – 2-е изд., доп. – СПб; М.: Филолог. ф-т СПбГУ: Издат. центр «Академия», 2005. – 640 с.
- Тюрин Ю.П.* Триумф // Бёрджесс Э. Заводной апельсин; Кизи К. Над кукушкиным гнездом: Романы – М.: Патриот, 1993. – С. 376–380.
- Якушева Г.В.* Русская литература на «повороте веков» // Состояние описания и преподавания русского языка как иностранного: Материалы научно-методической конференции. Черногория, 8–10 окт. 2007 г. – М.: Икар: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2007. – С. 41–50.

References

- Bërdžess, È. (1993). Zavodnoj apel'sin. In È. Bërdžess, *Zavodnoj apel'sin*; K. Kizi, *Nad kukuškinym gnezdom: Romany* (pp. 5–132). Moscow: Patriot.
- Kizi, K. (1993). Nad kukuškinym gnezdom. In È. Bërdžess, *Zavodnoj apel'sin*; K. Kizi, *Nad kukuškinym gnezdom: Romany* (pp. 133–375). Moscow: Patriot.
- Timina, S.I. (Ed.) (2005). *Russkaâ proza konca XX veka: Hrestomatiâ dlâ stud. vysš. uč. zavedenij* (2 nd ed). Saint-Petersburg, Moscow: SPbGU, Akademiâ.
- Tûrin, Ů.P. (1993). Triumf. In È. Bërdžess, *Zavodnoj apel'sin*; K. Kizi, *Nad kukuškinym gnezdom: Romany* (pp. 376–380). Moscow: Patriot.
- Âkuševa, G.V. (2007). Russkaâ literatura na «povorote vekov». In *Sostoânie opisaniâ i prepodavaniâ russkogo âzyka kak inostrannogo*: *Materialy naučno-metodičeskoj konferencii. Montenegro, October 8–10, 2007* (pp. 41–50). Moscow.: Ikar: Gos. in-t rus. âz. im. A.S. Puškina.